

Л. А. ДМИТРИЕВ

«Слово о полку Игореве» в трудах В. П. Адриановой-Перетц

Одной из характерных и принципиально важных сторон научной деятельности В. П. Адриановой-Перетц является то, что ее работы, посвящены ли они общим проблемам истории древнерусской литературы или отдельному памятнику, базируются на прочном фундаменте предварительного текстологического и историографического рассмотрения исследуемой темы. Исчерпывающий текстологический анализ изучаемого произведения, привлечение к исследованию всего материала, доскональное ознакомление с литературой вопроса отличали первую большую работу В. П. — ее книгу «Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности».¹ Как справедливо отметил Д. С. Лихачев, уже этот труд В. П. Адриановой-Перетц «принадлежит к числу тех немногих классических произведений русской филологии, на которых учится и будет учиться не одно поколение советских филологов».² Классическим образцом филологического исследования литературного памятника являются и работы В. П. по «Слову о полку Игореве». Начало им положила библиография «Слова», а последней книгой об этом памятнике была монография, в которой «Слово о полку Игореве» рассматривалось В. П. как закономерное явление в литературном процессе XII столетия.

Библиографический справочник по «Слову о полку Игореве» был подготовлен к печати В. П. Адриановой-Перетц в 1938 г. — к 750-летию юбилею «Слова».³ В основе библиографии лежит огромная работа над всей литературой «Слова», начиная с заметки Н. М. Карамзина 1797 г. в «Spectateur du Nord» и кончая журнальными и газетными статьями 1938 г., появившимися в печати к юбилею памятника. В библиографии зафиксированы издания древнерусского текста «Слова», переводы памятника, специально посвященные «Слову» исследования и статьи, те работы, в которых встречаются отдельные наблюдения над «Словом о полку Игореве». В аннотациях, внешне очень кратких и сжатых, отражена самая суть библиографируемых работ, отмечены наиболее важные и существенные проблемы, разрешаемые в них. Самой библиографии предпослано краткое предисловие, имеющее гораздо более широкое значение, чем простая справка о принципах ее построения. В этом предисловии

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пгр., 1917.

² Варвара Павловна Адрианова-Перетц. Академия наук СССР. Материалы к библиографии ученых СССР. Серия литературы и языка, вып. 4. М., 1963, стр. 12.

³ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Составила В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., 1940.

В. П., как она писала сама, «не задаваясь целью представить... картину движения литературоведческой мысли в исследованиях, посвященных „Слову о полку Игореве“», ставила вопрос о том, «с какими достижениями приходят литературоведы к 750-летию „Слова“, какие проблемы ими разрешены удовлетворительно, какие лишь поставлены правильно и какие очередные задачи следует выдвинуть исследователям „Слова“».⁴ Подведенные В. П. итоги и намеченные задачи во многом определили тематику дальнейшего изучения «Слова» в советской филологии и, в частности, наметили проблематику работ по «Слову о полку Игореве» самой В. П. Адриановой-Перетц. Как наиболее важные темы в изучении «Слова», требующие дальнейшей углубленной разработки, здесь отмечались текстология «Слова»; необходимость издания всех материалов, так или иначе связанных с погибшей рукописью памятника (бумаг Малиновского, выписок из «Слова» Карамзина и т. д.); изучение исторической обстановки времени создания произведения; объяснение реалий; дальнейшее исследование вопросов связей и взаимоотношений «Слова» с памятниками литературы и фольклора; изучение ритмического строя; создание словаря «Слова о полку Игореве»; рассмотрение вопроса о его месте в ряду памятников мирового героического эпоса. Многие из поставленных В. П. вопросов в дальнейшем нашли отражение в монографиях и сборниках Сектора древнерусской литературы, посвященных «Слову о полку Игореве», в статьях ТОДРЛ. В научном же творчестве самой В. П. важное место заняли проблемы связей «Слова о полку Игореве» с древнерусской литературой и с устным народным творчеством, вопросы поэтики «Слова».

В проблемной статье о характере связей древнерусской литературы вообще с устным народным творчеством В. П. Адрианова-Перетц писала: «Родство подлинно народных памятников древнерусской литературы с творчеством трудового народа возникает тогда, когда писатель и народный поэт сходятся в своем отношении к исторической действительности, в оценке событий и лиц».⁵ Это важное в методологическом отношении положение позволило В. П. по-новому подойти к бесспорному и, казалось бы, досконально уже изученному вопросу о связи «Слова о полку Игореве» с фольклором. Тема эта затрагивалась В. П. в целом ряде работ, но наиболее полно была раскрыта в большой статье «„Слово о полку Игореве“ и устная народная поэзия».⁶

Рассматривая вопрос о связи «Слова» с фольклором, В. П. не просто иллюстрировала новыми примерами близость тех или иных образов и поэтических пассажей «Слова» к народному творчеству, не только расширяла и углубляла анализ этих связей и совпадений, но стремилась показать внутреннюю их природу и закономерность. Близость «Слова» к произведениям устного эпического творчества объяснялась ею народностью основной идеи памятника, народностью мировоззрения его автора. Отношение автора «Слова» к историческим событиям своего времени и прошлого, оценка их, созвучная и близкая взглядам народа, обусловили широкое обращение писателя в своем книжном, литературном по характеру и задачам произведении к средствам поэтики устного народного творчества. «Фольклорность „Слова“, понимаемая в таком широком плане, — подчеркивает В. П. Адрианова-Перетц, — опирается прежде всего на его

⁴ Там же, стр. 5.

⁵ В. П. Адрианова-Перетц, Древнерусская литература и фольклор. (К постановке проблемы). — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 6.

⁶ В. П. Адрианова-Перетц, «Слово о полку Игореве» и устная народная поэзия. — В кн.: Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 291—319.

подлинно народную идейную сущность».⁷ «Слово о полку Игореве» сближается с народным эпосом в самом методе отражения действительности, и объясняется это не влиянием фольклора на «Слово», не подчинением писателя фольклорным требованиям, а тем, что писатель поставил перед собой задачу, аналогичную цели героической устной поэзии.

Много внимания уделяет В. П. рассмотрению вопроса о характере изображения природы в «Слове». Из всех произведений древнерусской литературы раннего периода «Слово о полку Игореве» наиболее ярко выразило лирическое отношение автора к природе, а именно такое отношение роднит произведение письменности с фольклором. Взаимоотношения человека с природой в «Слове» такие же, как и в устной поэзии: она не стоит над ним как грозная сила, а помогает, подчиняясь его замыслам. Картины природы в «Слове» носят реалистический характер и вместе с тем они раскрыты так, что подчеркивают единство природы и человека, что особенно характерно для народной лирики. Художественное сознание писателя и народного поэта сошлось на общей задаче отражения событий жизни героев в их органической связи с природой. Однако, как отмечала В. П. в уже упоминавшейся общей статье по вопросам связи литературы и фольклора, необходимо обращать внимание не только на сходство, но и на отличия «в восприятии одних и тех же фактов действительности в письменной и устной традиции».⁸ И в своих работах В. П. указывает такие стороны внутренне «фольклорных» поэтических пассажей «Слова», которые отличают его от произведений устного творчества. В частности, это ярко показано на особенностях изображения природы. Та широта и обилие, с которой автор «Слова» рисует природу, резко отличают этот памятник от произведений устного творчества. Метафорические и символические образы природы в «Слове» в то же время имеют и вполне конкретное звучание. Пейзажи его отличаются от схематизированных пейзажных элементов народно-песенного параллелизма своей реалистичностью, индивидуальностью, полным соответствием именно той конкретной обстановке, в которой разворачиваются изображаемые события. Близкие к народному творчеству метафоры употребляются автором «Слова» с такой изысканностью и мастерством, каких в устном эпосе мы не найдем. Подход В. П. Адриановой-Перетц к проблеме связей «Слова» с фольклором углубил и расширил наше представление не только об этой стороне памятника, но и о его поэтике вообще.

В научном творчестве В. П. значительное место занимают работы, посвященные «Задонщине». Все они имеют первостепенное значение в исследовании этого памятника русской литературы XIV в. Но каждая из этих работ В. П. не менее важна и для изучения «Слова о полку Игореве». Публикуя дошедшие до нас списки «Задонщины», восстанавливая текст протографа, реконструируя предполагаемый авторский текст произведения,⁹ В. П. все время останавливается на текстуальных сопоставлениях «Задонщины» со «Словом о полку Игореве», анализирует характер отношения текстов этих памятников. Результаты многолетних занятий

⁷ Там же, стр. 294.

⁸ В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор, стр. 12.

⁹ См.: Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V, М.—Л., 1947, стр. 73—96; Задонщина. (К вопросу о реконструкции авторского текста). — ИОЛЯ, т. VI, вып. 2, М., 1947, стр. 95—100; «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — Радянське літературознавство, Київ, 1947, № 7—8, стр. 135—186; Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 201—255; Воинские повести Древней Руси. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949 (серия «Литературные памятники»), стр. 33—41, 143—165, 255—258, 269—272, 296—305.

«Задонщиной» и сопоставлений ее со «Словом» были подытожены В. П. в статье «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“». ¹⁰

Сравнительный анализ параллельных эпизодов и словосочетаний «Задонщины» и «Слова» дают В. П. полное основание утверждать, что в вопросе о первичности этих двух памятников может быть только один ответ — «Задонщина» восходит к «Слову о полку Игореве». Об этом свидетельствуют и исторические, и стилистические, и грамматические данные.

Из цельных стройных пассажей «Слова», все элементы которых идейно и художественно тесно связаны, в «Задонщину» подчас включены лишь отдельные фразеологические сочетания, вставленные в совершенно иной по общему замыслу контекст. Сложные поэтические образы «Слова» в «Задонщине» упрощены, а нередко и искажены. В ряде случаев образные выражения (метафоры, метонимии) или снимаются вообще, или заменяются прозаизмами. В тех случаях, когда в параллельном эпизоде «Слова» встречаются архаизмы или редкие для конца XIV в. (времени создания «Задонщины») слова, в «Задонщине» на их месте оказываются иногда неудачные замены, иногда переводы на более привычную лексику. Темные места «Задонщины», смысловые, синтаксические и стилистические неувязки в параллельных «Слову» местах разъясняются с помощью текста «Слова», но ни одна из этих параллелей в чтении «Задонщины» не дает материала для толкования соответствующих эпизодов «Слова о полку Игореве».

Библиографированием «Слова о полку Игореве» В. П. занялась будучи уже известным и признанным специалистом по древнерусской литературе. Статьям ее о связи «Слова» с народным творчеством предшествовали многолетние занятия русским фольклором, древнерусской демократической сатирой. До выхода в свет работ о фольклорности «Слова» ею были напечатаны такие исследования общего характера, как книга «Очерки поэтического стиля Древней Руси» ¹¹ и уже называвшаяся статья «Древнерусская литература и фольклор». Рассмотрению вопроса о связи «Слова» с «Задонщиной» предшествовали длительные и кропотливые занятия текстологией «Задонщины». В этой особенности изучения В. П. Адриановой-Перетц «Слова о полку Игореве» глубокий смысл. Маститый и признанный ученый (с 1926 г. уже член-корреспондент АН УССР), В. П. начинает разработку новой темы с самых азов, с того, что теперь очень много, далеко не столь зрелые ученые расценивают как второстепенную, отвлекающую их от научных занятий обязанность. И одновременно с этим мы должны отметить, что широта и разнообразие как общих, так и частных вопросов истории древнерусской литературы, исследованных В. П. ко времени ее занятий над «Словом», давали ей возможность с наибольшей полнотой и ясностью представить этот памятник в тесной связи с литературными и фольклорными явлениями времени его создания. Доскональное проникновение В. П. в поэтику и лексику «Слова», ее исключительное знание оригинальных и переводных памятников раннего периода древнерусской литературы нашли блестящее воплощение в капитальном труде по «Слову» — в ее последней книге «„Слово о полку Игореве“ и памятники русской литературы XI—XIII вв.», которая была напечатана в 1968 г. Эта книга на обширном фактическом материале убедительно показывает, «что весь словесный материал, из которого построено „Слово“, при всем его художественном своеобразии, вполне соот-

¹⁰ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, стр. 131—168.

¹¹ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.—Л., 1947.

ветствует тому способу выражения, который зафиксирован в разных типах книжного и народного письменного языка домонгольского времени, в разных литературных и деловых жанрах».¹²

Свою книгу В. П. начинает со слов А. С. Пушкина об исключительности «Слова о полку Игореве» на фоне русской литературы XII в. Мы справедливо привыкли считать оценки и характеристики А. С. Пушкина меткими, точными и убедительными. Но исключительность «Слова о полку Игореве», как и каждого шедевра, — в его гениальности, а не в том, что оно «возвышается уединенным памятником в пустыне нашей древней словесности», как считал А. С. Пушкин.¹³ И книга В. П. — своеобразный ответ на высказывание Пушкина о «Слове». Эта книга подтверждает справедливость слов поэта о величии «Слова» и вместе с тем доказывает ошибочность невольно разделявшихся А. С. Пушкиным представлений начала XIX в., что развитой литературы во время создания «Слова о полку Игореве» не существовало.

Исследования особенностей поэтики «Слова о полку Игореве», в сопоставлении ее с поэтикой конкретных письменных памятников эпохи, предшествующей времени создания «Слова», одновременной его созданию и последующего времени (т. е. XI—XIII вв.), приводят В. П. к убедительному выводу: «Подводя итоги наблюдениям над элементами, из которых слагалась поэтическая система „Слова о полку Игореве“, мы приходим к заключению, что и его жанровая природа, и отдельные тропы, и ритмичность речи связаны с обеими традициями словесного искусства XI—XII вв. — фольклорной и литературной. То, что представлялось исследователям „необычным“ для писателя конца XII в., — смешанный, „неопределенный“ жанр, объединивший признаки книжного „политического“ ораторства, лирического повествования об исторических событиях и народных „слав“ и „плачей“, размышления о способе изложения, сложные метафоры, художественно изображающие способности ума, мысли человека, — все это нашло опору в литературе XI—XII вв. и получило дальнейшее развитие в литературе первой половины XIII в.»¹⁴ И вывод этот тщательно аргументирован стилистическим и лексическим комментарием ко всему тексту памятника. В разделе комментариев, составляющих основную часть книги, текст «Слова о полку Игореве» распisan по отдельным фразеологическим оборотам, и к каждому обороту из «Слова» приводятся прокомментированные параллели из большого круга самых разнообразных оригинальных и переводных памятников русской литературы, русской деловой письменности XI—XIII вв. Здесь не только прямые соответствия выражениям из «Слова о полку Игореве», встречающиеся в других произведениях этого времени, но и аналогичные по конструкции, по своему художественному оформлению обороты.

Все приведенные в книге стилистические и лексические данные, с одной стороны, конкретно, наглядно иллюстрируют тесную связь «Слова» с различными типами литературного и живого языка XI—XII вв., от делового до устно-поэтического, а с другой — дают яркое представление о том, как свободно владел автор «Слова» многообразием средств древнерусской речи, с каким мастерством черпал он из этого источника материал для создания своего индивидуального стиля. Рассмотрение фразеоло-

¹² В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв. Л., 1968, стр. 43.

¹³ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VII. М.—Л., 1958, стр. 307.

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII вв., стр. 40.

логии «Слова» в сопоставлении с другими текстами древней поры не только подтверждает объективно закономерность «Слова о полку Игореве» в ряду литературных явлений XI—XII вв., схожесть его языковых средств с языком эпохи (подкрепляя тем самым доводы исследователей, датирующих время создания «Слова» 1187-м годом), но и помогает глубже проникнуть в содержание самого памятника.

Вклад В. П. Адриановой-Перетц в изучение «Слова о полку Игореве» измеряется тем значением, которое имеют ее работы в истории исследования этого памятника древнерусской литературы. Статьи и книги В. П., основанные на глубоком и тонком филологическом анализе, дают ясное представление о большом литературном мастерстве автора «Слова», показывают высокую книжную культуру этого древнерусского писателя. Вместе с тем именно в работах В. П. Адриановой-Перетц народность «Слова о полку Игореве», близость этого шедевра литературного творчества к памятникам фольклора нашли наиболее точное и убедительное объяснение. Все работы В. П. по «Слову о полку Игореве» утверждают бесспорность того, что памятник принадлежит XII столетию. Глубокая и страстная убежденность в подлинности «Слова о полку Игореве», непримиримость, с какой В. П. относилась к проявлениям скепсиса в отношении к «Слову», нашли в ее научных трудах отражение в той строгости, скрупулезности и тщательности, с какими она обосновывает свои доводы в пользу древности и подлинности этого памятника древнерусской литературы.

Весь цикл работ В. П. Адриановой-Перетц по «Слову о полку Игореве» с полным основанием может быть назван блестящей страницей русской филологической науки.